

Василий Алексеевич Левшин

Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве

Нарсим, размышляя о свойстве воздуха, никак не сомневался, чтоб нельзя было изобрести удобной машины к плаванию по оному жидкому веществу; он видал, как перо от малейшего ветра поднимается на сию стихию. "Разве не то ж самое служило к изобретению водоходных судов? - воображал он. - Конечно, много веков прошло, доколь найдено средство плавать по морям: и без сомнения, всегда видали, что щепка дерева не может погрязнуть в воду. Не то ли самое с пером и воздухом? От щепки произошли и военные корабли: а перо доставит нам способ сделать орудие, удобное вносить нас выше нашей атмосферы".

В одну прекрасную ночь, сидев под окном углублен в сии мысли, взирал он с жадностью на освещенное полным блеском луны небо. Какое множество видит он звезд! Умоначертания его пробегают по неизмеримому пространству и теряются в бесчисленном собрании миров. Просвещенный смысл его не находит оные простыми блестящими точками, но алмазными гвоздями, вбитыми в голубой свод рукою всесильного художника. "Безумные смертные! - вопиет Нарсим. - Сколь мало понимаете вы благость создателя! Сии точки, ограниченные в слабых ваших взорах, суть солнцы или тверди, противу коих земля наша песчинка. Но вы мечтаете, что все сие создано для человека; какая гордость! Взгляните на сие расстояние, равняющееся вечности, и поймите, что не для вас испускают лучи свои миллионы солнц; есть несчетно земель, населенных тварями, противу коих вы можете почесться кротами и мошками. Не безумно ли чаять, чтоб всесовершенный разум наполнял небо точками, служащими только к забаве очей ваших? Какое унижение!.. Ах! Сколько бы счастлив был тот смертный, который доставил бы нам средство к открытию сея важная истины! который бы перенес нас в пределы, где царствуют вящие предметы могущества создателя и где одни только соборы удивления. С каким бы вожделением увидели мы отходящий от нас воздушный флот! Сей флот не был бы водимый златолюбием: только отличные умы возлетели б на нем для просвещения. Брега новыя сей Индии не обагрились бы кровию от исходящих на оныя громоносных бурий: се было бы воинство, вооруженное едиными оптическими орудиями, перьями и бумагою".

Потом любопытство обращает Нарсима к выдумке для изобретения летающей машины: тьма разных способов стесняют его рассуждение и столько же пребывают недействительны и неудобны. Он досадует на недостаток средств, думает еще, находит нечто, располагает, после опровергает и, ослабив чувства сражением воображений, прислоняется спиною вне себя к креслам и засыпает.

Во сне обращает он взоры свои на стену, где висело у него несколько орлиных крыл. Берет из них самые большие и надежные; укрепляет края оных самым тем местом, где они отрезаны, к ящику, сделанному из легчайших буковых дощечек, посредством стальных петель с пробоями, имеющими при себе малые пружины, кои бы нагнетали крылья книзу. С каждой стороны ящика расположил он по два крыла, привязав к ним проволоку и приведши оную к рукояти, чтоб можно было управлять четырьмя противу расположенными двух сторон крылами одною рукою; равномерно и прочих сторон крылья укрепил к особой рукояти. Сие средство почитал он удобным к его намерению: что и в самом деле оказалось, ибо, вынеся сию машину на открытое место и сев в нее, когда двух сторон крылья опустил с ящиком горизонтально, а двумя других начал махать, поднялся он вдруг на воздух.

Какой восторг! Что стал Нарсим, увидев себя восходяща выше возможности человек! Едва сие радостное изумление не остановило нужного действия рук его; и не предостерегся бы он от падения, если б опускаемые крылья, опираясь на воздух, не удерживали стремительного привлечения тяжести к земному центру. Сие спасло Нарсима, сие сохранило машину его и доставило нам великое откровение. Он ободряется, начинает двигать рукояти, рассекает прозрачную бездну, удаляется и забывает о самом себе; ибо, впрочем, надлежало бы вспомнить о столовом припасе, толико нужном для пути неизвестного и не имеющего ночлегов. Но разве не то ж делают все, коими владело любопытство? Нарсим был человек.

Блестящая Луна прежде всего обращает к себе его желание. "Посмотрим, - говорил он сам себе, - для наших ли тварей создан кружок сей, и нет ли в нем животных, равномерно мыслящих, что Земля наша есть их месяц и не для иного плавает на воздухе, чтоб ночи их были не так темны? Должно испытать и освободить моих собратий от сего воображения". По сем удвоет он движение и теряет из глаз Землю; ибо тогда была ночь, или лучше сказать тень, отбрасываемая Землею, посреди которой он продолжал путь свой, скоро закрыла зрению его шар наш.

Уже возлетел он почти до половины расстояния между Землею и Луною, как следующая мысль начала приводить его во ужас: воздух не всюду будет таковой густоты, каковая потребна для свободного мне дыхания. Атмосфера наша не очень далеко от Земли простирается, после чего следует один тончайший эфир, не способный к житию в нем тварей. Но вдруг, взглянув на Луну, нашел, что она возросла в 21 раз противу обыкновенного виду, в каковом кажется в глазах наших с Земли: из сего тотчас заключил он, что нет уже ему опасности задохнуться в эфире, по увеличению Луны уразумел он, что пролетел уже далеко за атмосферу. Луна по достоверным исчислениям найдена в 42 раза меньшей нашей Земли, когда же возросла она в глазах его слишком в двадцать крат, имел он причину полагать, что совершил уже около половины пути своего. Нарсим немало радовался, не ощущая никакой перемены в воздухе, он находил дыхание свое и все чувства еще свободнейшими, как видимо от того, что пары земные, кои, входя в наше тело, отягощают все действующие в нас органы, не могли восходить до места, в коем он тогда находился. Посему Нарсим немалую имел причину опровергать мнение, столь твердо принятое о тончайшем воздухе, наполняющем пространство между всех висящих в воздухе тел. Понеже, когда б воздух окружал только одни земные тела, а не занимал всего пространства неба, притягательная сила тел не имела бы ни от чего себе препятствия, и большее тело привлекло бы к себе малое: поелику эфир, быв без воздуха, тонкостию своею не мог бы воспящать сильному действию магнитной силы. Таковым образом увидели бы мы Луну, присоединенную к Земле, а онаю взаимно к Марсу и так далее. Но когда определить все пространство между небесных тел, наполненное одним жидким и равной упругости веществом, тогда уже не можно будет в рассуждении расстояния притягательной силе простирает свое действие так далеко, чтоб от одного сего держались великие тверди на воздухе. Творец миров не создал ничего чрезвычайного, ни похожего на волшебство: все действующие причины имеют основание свое в природе; а магнитную силу тел, едва ли не можно счесть за сверхъестественность. Зачем сия привлекательная сила? Когда один воздух удобен держать все тела в себе и когда самое действие отбрасывания, принятое за магнитную силу, есть точное действие воздуха. Мы только думаем, что есть в телах одинакового вещества взаимное друг к другу привлечение. Что ж, воздух единая причина, кою шар наш и прочие

равного с ним вещества тела, держатся на веществе жидком и не могут оставить места пути своего: сие усматривается из следующего, весьма сходного с тем опыта.

В сосуд, наполненный водою, надобно положить три кусочка бумаги или соломы. Если оные будут в таком расстоянии, что количество воды между ими будет меньше количества тел их, тогда кусочки пристают друг к другу; если же количество воды будет равное телам обоих кусочков, тогда оные остаются недвижимы; но когда расстояние воды между кусочков будет больше половины поверхности сосуда, тогда кусочки устремляются к краям, в противные друг другу стороны. Из чего понять можно, что не тела взаимно друг на друга действуют, но количество вещества, в коем они плавают. Не притягательная сила их соединяет, но сила упругости, увеличенная превосходным числом меры воды, их друг к другу гонит. Равным образом середина воды, став между кусков пространнее, по той же причине отводит их в противные стороны. Не ясно ли из сего оказывается, что содетель всех чудес света употребил самые простые способы на то, что кажется нам толико удивительно? Он, желая повесить тверди на воздухе, наполнил оным сперва все пространство неба, потом бросил сии куски земли, в таком один от другого расстоянии, чтоб количество между ими воздуха в вечном содержало их равновесии и отстоянии. Посему никакая комета не может притянуть к себе Землю нашу: ибо оные так же свои имеют места и равно как все миры плавают в своих кругах по путям, кои устрояет им давление воздуха, отчего и все тела небесные совершают шествие свое около Солнца, яко центра, уподобляющегося средней точке воды, наполненной в сосуде. По сей же вышесказанной причине все тела, брошенные от земли на воздух, упадают к ней обратно, и мы ошибаемся, относя действие сие к притягательной силе земли, когда превосходный вес столпа воздушного, над брошенным телом находящийся, давит оное и понуждает обратно упадать на землю.

В таковых размышлениях работал Нарсим безумолкно рукоятками машины и не перестал бы гордиться, что постигает он таинства природы, если б машина, на коей летел, мгновенно не перевернулась с ним через голову. Страх возвратиться обратно на Землю по подобию Икара выбил из него всякие воображения, и одно врожденное побуждение к спасению жизни отвело руки его от рукояток, чтоб схватиться покрепче за ящик: отчего все восемь крыл опустились горизонтально, и по пришествии в себя усмотрел он, что опускается тихим плаванием прямо на Луну, поминутно возрастающую в глазах его.

Неизвестно, от страха ли не вспомнил он рассматривать тогда тело Луны, коей части мог бы уже различать без телескопа, или, познав, что лишился опасности, как человек любопытный, восхотел сперва постигнуть причину, отчего машина его перекувырнулась. Тихо опускающийся ящик и приятный шум жужжащего сквозь орлиные перья воздуха способствовали ему только к спокойному размышлению. Итак, по долгих сражениях рассудка, уразумел, что уже перелетел он гораздо большую часть расстояния между Землею и Луною, и чтоб столб находящегося над ним воздуха возрос до того, что начал давить его к Луне. Тогда-то понял он всю великость прешедшей опасности и, что без помощи спорящих с воздухом перьев, полетел бы он стремительно на поверхность Луны, и сошествие его на сей новый свет не было б из удачных. Но опасность миновалась.

Между тем он приближался к Луне. Какая чудная перемена! Сей малый светленький кружочек учинился преогромным шаром, и Нарсим не примечал, чтоб оный испускал от себя свет. Сей шар был точная наша Земля, или темная глыба, наполненная горами, водами и равнинами. Чем ближе он опускается, тем

многочисленнее рождаются в очах его предметы удивления. Уже различает он сначала леса, потом видит блестящие кровли зданий. "О небо! не сплю ли я? - вопиет Нарсим, обращая стремительно на все стороны взоры. - Луна населена!.. Вот города... деревни!.. Ах! Я вижу и самых тварей!.. Боже мой! здесь такие же человеки!.. Они имеют свои нужды: вот пахарь, чредящий свою землю... Се пастухи с стадами!.. Кажется, что золотой век здесь господствует - по сих пор еще не вижу я монахов и ратников... Тут-то истинный престол весны, тут-то истинный род жизни... Завидное состояние! Кажется, одни радостные звуки свирелей провождаются к ушам моим... Сей город преогромный, удивительное художество соорудило здания. Но что ж такое! Я не вижу нигде молитвенных храмов: конечно, нет здесь правоверных?.."

Наконец не более ста сажень осталось между им и Луною. Обворожающие красоты природы, расточившей дары свои на поверхность сея планеты, приковали к себе глаза Нарсимова; вне себя, опершись на край ящика и свесив голову вниз, пожирает он взорами редкости предметов. Но сие удовольствие его прервано было происшедшим между лунными жителями возмущением: он видит их бросающих свои работы и упражнения и сбегающих в одно место с поднятыми вверх головами. "Они меня увидели, - помышлял Нарсим, - надеюсь, что у них также необычайно летать по воздуху. Сколько ж наскожу я им редкостей о нашей Земле! еще больше удивятся они, познав премудрость наших законов, совершенство художеств, силу военных ополчений и все, о чем, может быть, и в мысль им не входит". Крик лунных жителей пресек его размышления: он различает явственно слова, произносимые ими на сирийском языке: "Квалбоко возвращается!.. Квалбоко возвращается!" При сем Нарсим от радости и разных впечатлений воображения в толикое впал исступление, что не слыхал, как ящик его подхвачен был руками лунных жителей, приемших его под руки и изведших на землю.

"Скажи нам, Квалбоко, - кричали тут тысячи голосов, - как успел ты в своем предприятии? Возвести нам все подробности твоего путешествия, опиши сии отдаленные от нас миры, без сомнения, ты видел в них много чрезвычайного".

Нарсим, понимая их ошибку, не знал, что им отвечать, а особливо не ведая нравов страны сея, не благонадежен был на первую впадшую ему мысль, чтоб представить себя чрезвычайным послом от всех дворов земного шара: ибо (воображал он) неизвестно, во употреблении ли здесь торжественные порядки государственных пересылок. Посол без свиты... без подарков!.. ежели владетель их горд, если министры корыстолюбивы? Нарсим! Тотчас же сочтут тебя лазутчиком, и тюрьма будет воздаянием пышным твоим замыслам... Но должно что-нибудь отвечать, дабы не показать себя невежливым; и так поспешно напрягает он силы своего разума, прилепляется к единой истине и открывает первое действие свое на поверхности лунной тверди следующей речью:

"Высокопочтеннейшее собрание пресловутого народа, населяющего шар, который мы, жители Земли, называем Луною, и которая по власти создателя определена для нас ночным светилом! простите мне, что я не возглашаю титулов ваших достоинств: странник, пролетевший тысячи верст по чистейшему воздуху, из страны, не имевшей с вами сообщения, не может посреди вас различить великомогого вашего монарха, острохитрых его вельмож, храбрых воевождов, добродетельного духовенства, мужей ученых и прочих, отличающихся заслугами от простолюдинов. Удовольствуйтесь тем только, если вообще и беспристрастно назову я вас премудрыми: ибо по нашему обыкновению именованию сие есть

приятнейшее для человека. Я не Квалбоко, но Нарсим, житель Земли, или лучше сказать, сей стоящей над вами великой и блистательной планеты".

Собственная тень Луны начинала тогда покрывать то место, на кое низшел Нарсим, или, по нашему, смеркалось; а часть Земли нашей, обращенная к месяцу, отбрасывая от себя солнечные лучи, представляла вид великолепной и огромной Луны.

"Оттуда я слетел к вам, - продолжал Нарсим, указывая пальцем на свою Землю, - там живут бесчисленные народы моей и вашей собратии. Я из числа общества, трудящегося над познанием точного существа миров; я с помощью увеличивающих стекол познавал уже истину того, что я здесь вижу. Любопытство побудило меня изобрести сие летающее орудие и привело к вам для просвещения вашего и собственного моего понятия. Успех моего предприятия довольно награжден, когда я, возвратясь, могу уже сказать моим согражданам, что напрасно они гордятся, воображая, будто бы нет иных разумных, кроме их, тварей и что Луна, Солнце и все планеты только для них".

Удивление лунных жителей было столь велико, что в таковом их множестве ни один голос не воспрепятствовал общему всех вниманию словам Нарсимовым. Но когда он замолчал, подошел к нему муж глубоких лет, увенчанный дубовым венцом. Седая его, до колен простирающаяся борода и важная осанка присвоили ему некий род отменности. "Приветствую тебя, Нарсим, - сказал он. - Благодарю неиспытанные судьбы, дозволившие совершить тебе невероятный подвиг к взаимному нашему просвещению; радуюсь, находя тебя здравомыслящим: ибо ты, равно как и мы, жители Луны нашей, не имеешь высокомерных мыслей поставлять Землю нашу, созданную для тебя собственно. Ты видишь теперь, не согласнее ли бы с разумом подумать, что Земля ваша создана нашею Луною? Ночь сия, мало уступающая дню, обязана светозарностью своею Земле твоей, отвращающей к нам лучи солнечные. Складнее большому свету освещать тело малое, нежели меньшему обширное, но мы выводим из того только премудрое расположение связи всех миров, учрежденное творцом всего к взаимной выгоде. Но да не введет нас любопытство в дальнейшие подробности, и да не удержит меня от исполнения должности к ближнему в странноприимстве. Покой нужен по таковом путешествии. Последуй мне любезный пришлец. Я как начальствующий над сим селением имею первый право угостить тебя в моем доме".

Окончив сие, подал он Нарсиму руку, и сей последовал ему в провождении множества народу.

Приблизились они к селению: Нарсим ослеплен был блеском зданий. Не искусство зодчих привело его во изумление; он зрит во всем простоту, но поверят ли Нарсимовы сограждане, что поразило взор его? Все стены жилищ построены были из тех прозрачных цветных камней, кои составляют величайшую нашу зависть и великолепие; а кровли из того только металла, который стоил жизни нескольким миллионам жителей нового света. "Теперь-то разумею я, - вопиял Нарсим мысленно, - каким благодарением обязаны поселяне Луны и мы, земные жители, провидению! Если бы сии драгоценности, сии алмазы и золото не столь трудною разделены были от нас дорогою: тысячи Колумбов со всех четырех наших частей пришли бы отвесть мечей своих над шеями лунатистов. И сей прекрасный шар в одно лето учинился бы пустою степью; а победители не разделили бы своей добычи и при самом своем набогащении истребили б себя взаимно. Земля и Луна заблестали бы от куч алмазов и злата; но сии груды служили б уже ночлегом совам, и скоты попрали бы ногами предметы суетности человеков".

"Конечно, сей дворец Вашего Величества?" - сказал Нарсим старику, почтя его необходимо Королем страны той. "Что вы разумеете чрез дворец и Величество?" - спросил его старик. "Разве я ошибся, чтоб таковые драгоценности можно было иметь кому, кроме величайшего монарха, и чтоб последующий нам народ не были ваши подданные? У нас титул Величество есть изображение чести, отдаваемой одним только государям". - "Друг мой! - отвечал старик. - Во всей Луне нет государей; сии мои дети, чада сынов моих, внуков и правнуков; а все здание составляет один дом моего семейства". - "Кто же управляет вашими государствами?" - "Такие же старики, как я; и право родителя дает каждому право власти над своими чадами. И кто же бы лучше мог стараться о пользе их? У нас нет, как я уже сказывал, государей: вся Луна разделена на селения, в коих начальствующий есть отец жителей". - "Кто ж по смерти вашей заступает ваше место, когда вы столько детей имеете? без сомнения происходят за то великие вражды и междоусобия между оставшихся? Начальство ваше есть то же, что у нас скипетр; но повествования земли нашей, как во временах древних, так и в новейшей памяти, подают нам сведения, сколь бедоносна отечеству смерть Монарха". - "Я не разумею, - отвечал старец, - почему бы скипетр вашей земли был завиднее жезла наших отцов семейства! разве могут быть лестны сии претяжкие попечения видеть чад своих на крайней степени благоденствия, когда сие благороднейшее звание, когда сие сладчайшее чувство благотворить ближним приобретутся враждою и междоусобием. Странно бы было удержаться цепи связующей общества к взаимной пользе, если бы те, коим члены общества возлагают бремя своей вольности, вместо поручительства за свою к ним любовь, поставляли злодейство, возмущая их покой и поощряя каждого враждовать друг другу. Кто бы мог меня уверить, что предыдущее мое блаженство будет зависеть от того, что я вверю безопасность мою человеку беспокойному? Однако, не имея особого понятия о установлениях наших земель, мы не можем разуместь друг друга, и так, драгой мой пришлец, расскажу я тебе о состоянии земли нашей с тем уговором, чтоб и ты удовлетворил моему любопытству, уведомлением о своей".

В сие время вошли они в преогромнейший покой, который пристойнее бы назвать городской площадью: ибо во оном свободно было возлежать многим народа тысячам. В нем не находилось окон, но бесчисленно дверей, ведущих в отдаленные комнаты, и ни одной свечи для освещения столов, приуготовляемых к ужину; одно сияние солнечных лучей, отражаемых к ним нашею Землею, избыточно награждал недостаток огня.

Старец сел в кресла; он должен был занять место противу его; весь народ возлег по скамьям в несколько рядов вокруг их, и посреди глубокого всех безмолвствия начальствующий начал так: "Мы не имеем повествований на письме, кроме доходящих до нас изустно по порядку от отцов к детям: почему нельзя мне вас уверить, кто был первый человек, как звали его жену, а всего меньше, как создана наша Луна: ибо никто не бывал тому свидетелем. Довольно, что мы признаем всемогущего творца, создавшего все сии чудесные предметы, ежеминутно встречающиеся глазам нашим, и отнюдь не сомневаемся, чтоб причина им была, кроме всеильной воли бога. Исследовать подробно неизвестное, а наиболее постигать невозможное, поставляется у нас крайней глупостью. Надеюсь, что вы согласитесь, что такая мелкая тварь, каков человек и с таким ограниченным смыслом, никогда не может постигнуть или проникнуть твердейшую завесу премудрых намерений творца. Однако, чем больше мы невежды, тем больше в нас умствования: почему думают, что Луна некогда составляла часть Земли вашей. Но

как бы то ни было, я не могу уверить тебя в сей истине и не докажу, каким образом мы от вас отторжены. Довольно, что есть Луна, есть на ней жители и есть избыток для всех надобностей: а сие и достаточная причина, вместо пустых умозаключений, быть только нам к всевышнему благодарными и порадоваться данными нам от него выгодами. По тому земледелие и скотоводство сочтено у нас одним упражнением, кое человеку предоставлено: ибо оно ему необходимо. Прочие же науки, кои начали было изобретать люди, не любящие трудов, отвержены, и выдумщики таковые, если б только не приняли советов трудолюбивых своих собратий, померли б с голоду. У нас не приобретающий руками своими пищи считается ненужною тягостию для земли: и потому из любви к ближнему оному, который, только сидя на одном месте, думает, что в такой-то блестящей звезде, должно быть, тварям не дают есть: чтобы чрез то он опомнился и голод уверил бы его, какая разница орать землю или терять время на ненужные выдумки".

Нарсим краснелся от стыда, слышав слова сии. "Вот как разумеют здесь, - помышлял он, - плод трудов моих! Боже мой! Сколько б людей посадили на хлеб и на воду, если бы хотя одну только Академию нашу отдали сюда на свидетельство!"

"Но как человеческая природа создана с крайним пристрастием к любопытству, - продолжал старец, - то никакие предрассуждения, никакие обыкновения не могли воспрепятствовать происхождению по временам людей предприимчивых. Были люди, созидавшие в воображениях своих расположении правления, новые законы, совсем уклоняющиеся от вкорененных в сердца наши чувствованиями естества, некоторые степени отличия, пустые титулы, чтоб нарушить равенство чад, от единого родителя происходящих, и чтоб лишить и отцов того натурального права, коему есть таинственное в душах наших оправдание; хотели предлагать завоевание другой половины Луны нашей, которая не освещается Солнцем и где слабый только свет лишает плодонося земля диких семейств, питающихся разными рыбными ловлями. Но все сие пресечено разумным решением общего согласия старцев, и сии беспокойные люди по истощении возможных доказательств о глупости их воображений выгоняемы были в мрачную страну Луны, где они, не привыкнув к ядению рыб, помирали или с довольным раскаянием возвращались в отечество, проклиная безумие прежних своих желаний и, так сказать, полумертвые. Однако не успевали таковые примеры: правнук мой, Квалбоко, был довольно несчастен иметь столько притворства, что утайкою сделал орудие, на коем улетел осматривать нашу Луну, или твою Землю; мы увидели то, как он поднялся уже на воздух. О глупость человеческих желаний! Мы считаем его за погибшего". Сказал старец, и вздох пресек слова его.

Сей промежек употребил Нарсим на предложение вопроса, чтоб удовлетворить своему любопытству, как могут утверждаться общества, в коих нет законов писанных. "Почтеннейший старец, - сказал он, - позвольте спросить: каким образом может быть согласие между ваших семейств, когда оных столько много? Начальники пород не могут быть люди нравов сходных, и закон естественный восприимет во устах каждого различное толкование. Положим, что бывает у вас собрание старцев, в котором заключаются общие условия; но оные, не быв на письме, могут легко заглажаться в памяти". "Друг мой! - отвечал старец, - закон естественный довольно тверд, когда исповедывает оный совесть каждого; оный начертан незаглажимыми буквами в душах наших. И зачем писать то, что каждый по чувствам своим разумеет без истолкования? Мы столько счастливы, что природа наша старанием правителей семейств осталась еще в той своей невинности, каковою развернулась в первом человеке. Закон наш очень краток и нетруден к

исполнению: всяк понимает, что должно любить бога, яко благодетеля; а ближнего как самого себя, ибо через то приобретет и от него любовь к себе; а тем избавится от многих досад, неминуемо происходящих по нарушении сей заповеди. Утверждено у нас, что всякий другой закон, противного сему толкования, есть обществу вредоносный и мерзкий пред богом: ибо кто не проклянет учение, с коим чувства всех не соглашаются и спокойство общее нарушается!.. Но каким образом следствия, от несходства нравов происходящие, удерживаются в пределах должности, расскажу я тебе, любезный пришлец, после, а теперь позволь дать себе угощение". Он дернул за веревочку, привязанную к его креслам, и пронзительный звон колокольчика разлился по пространству храмины.

Какое явление! Двери боковых храмин мгновенно растворились; тысячи красавиц выходят из оных. Скромность добродетели, соединенная с прелестями невинности, сияет на их лицах. Простота одежд, едва скрывающая то, чем природа украшает пол сей, придает им еще более зараз. Каждая из них приносит и поставляет на стол два блюда, провождаемая детьми своими, держащими сосуды с соками плодов и водою. Яства поставляются. Старец восстает, простирает руки к небесам, благословляет трапезу и возлегает, посадив близ себя Нарсима. Каждое семейство занимает места свои в восхитительном порядке; чета друзей по сторонам с залогами любви своей наполняет теряющийся в глазах длинный ряд столов. Тишина владычествует посреди множества; всяк вкушает приготовленное руками своей дражайшей. Нарсим участвует в блюдах старца, чаёт вкушать амброзию под видом молошного и единых плодов приуготовленную и нектаром богов прохлаждает свою жажду; воображения мечтают ему быть во острове небесной Венеры, где он не видит (никого), кроме счастливых любовников.

Вечеря кончилась: старец воздвигся с седалища, все множество чад его простерлось на земли, и он приносил создателю благодарение от лица всех их. По совершении молитвы старец благословил все общество, и сей знак был ко удалению на покой. Каждая чета, забрав сосуды, возвращалась в свою храмину, где Гимен ожидал их с возженным пламенником. Отец семейств, коего глубокие лета, расторгши узы крепости, не расторгли однако дружества с его равнолетною супругою, проводил ее до одра, где простился с нею в нежнейших выражениях. Сия подруга его благоденствия, казалось, что удержала еще в лице своем те приятности, кои столько насильствует похищать время; она расставалась с ним с тою ясностию очей и с тем спокойствием духа, каковое дозволяет лишь последство дней, препровожденных в счастливом браке. Видимо было, что сердца их спорили еще противу увядающей природы.

Старец возвратился к Нарсиму, чтоб начать продолжение недоконченных разговоров. Уже руки его простирались с важною ласковостью к пришельцу, как шорох от входа залы пронесся к слуху его, и обратил взоры. "О небо! - возопил он. - Что вижу я!.. чадо непослушное... Квалбоко возвратился". Тайный трепет предчувствия разлился в душе Нарсимовой; он в кратком воззрении на обитателей Луны находил их ангелами пред собратиею своею, жителями Земли. "Что будет со мною? - воображал он в сражении мыслей своих. - Что будет, если Квалбоко пришел теперь с Земли нашей? Каким меня сочтут, если он узнал нравы и обычаи моих единоплеменников? Что я скажу во оправдание! Защищать ли мне... Нет, обнаженная истина да будет мне подпорою и да свидетельствует, сколько удален я от всех злоупотреблений, обратившихся у нас в природу... Но подождем, который путь принудят взять слова Квалбоковы".

Между тем возвращающийся был уже у ног праотца своего. "Чадо непокорное! - вопиял сей. - Раскаявшегося ли восприимут тебя мои объятия? оплакиваешь ли ты бедственное свое любопытство или с упорностью дерзостной предприимчивости отторгаешь ты себя от лица отца огорченного и от общества мира и тишины?"

"О родитель мой! - отвечал Квалбоко с рыданием. - Никто из заблуждающихся не познает своего безумия, как по совершении преступления. Совершенное раскаяние привело меня к стопам твоим; я вырвался из ада, где успех дерзостного моего предприятия наказан по достоинству. Но прежде объявления о всем со мною случившемся позволь, дражайший родитель, омыть мне слезами ноги ваши и испросить помилования". Он заключил колена его в объятия и, лобзая оные, ожидал судьбы своей. Нарсим хотел принести свои просьбы, но Фролагий (имя старца) уже поднимал его. Сей добродетельный муж, готовый всегда прощать, прижал его к груди своей, и слезы радости появились на очах его. "Я приобретаю тебя вновь, любезный сын мой! - сказал он. - Ты вновь родишься из недр моих, ибо раскаявшийся более чувствует отвращение к преступлению, нежели тот, коему оное несведомо. Забудем все, но на условии, чтоб, рассказав мне все с тобою случившееся, забыть оное вечно и не повторять никогда пред твоими собратиями. Здравый рассудок вразумляет, что человек, услыша о успехе какого-нибудь порока, великую получает склонность подвергнуться оному, и неизвестность есть лучшее средство избавиться от развращения". Нарсим, ожидая разительного для себя повествования, хотел оказать в чем-нибудь свою заслугу и для того, выхваляя рассуждения Фролагиево, сказал: "Опыты в нашей земле подтвердили уже, что изданные заповедания ко удержанию того, чтоб не могли произойти некоторые преступления, служили только, чтоб учинить оные деятельными и которые без того не могли бы, кажется, войтить в мысль человеческую".

Квалбоко, не имевший еще времени рассмотреть его, устремил на него взоры. "Кто сей незнакомый?" - спросил он у праотца своего, но получил в ответ повеление сесть и начать свои приключения. Квалбоко повиновался и, когда все трое заняли места, начал:

"Я не намерен описывать вам способ и успех составления того бедоносного орудия, которым возлетел я в планету, о которой напоминовение повергает меня в страх и ужас. Я не прежде осмелился предстать вам, как обратя в пепел сию машину, коя в вечном проклятии останется в моих мыслях. Гонимый непреодолимым любопытством узнать о том, в чем всевышний промысел положил нам преграду, направил я путь мой в планету, отвращающую к нам во время ночи свет солнечный. Стрела, пущенная из лука, не с такою прытостью рассекает воздух, как желания мои парили на твердь, куда я летел. Самое движение моего шествования было быстро и умножалось несказанно, когда возросла в глазах моих Луна наша. Руки мои не имели нужды действовать; некое притяжение влекло меня туда по струям эфира. Спокойным зрителем на возрождающиеся в глазах моих предметы вкушал я неописанную радость. Горы, долины, моря и потом города, селения, реки, озера, леса и самые человеки появлялись мне попеременно. И можно ли было не восхищаться, видя мир, во всем подобный нашему? Я чаял возвысить мое просвещение: но ожидание сие стоило мне дорого; я сшел на Землю.

Я сложил мою машину и спрятал оную в карман. Утомление принудило меня удалиться в ближнюю рощу. Зрелые плоды неизвестного мне рода привлекли насытить мою алчность. И подумайте о чудесном действии: я стал разуметь множество неизвестных мне дотоле наречий. Располагая в рассуждениях о сем происшествии, познал я, сколь необходимо для меня было знание языков в странах,

кои я обозреть желал и кои, конечно, должны были различаться от наречия, единственно у нас употребляемого. Мог ли я считать сие иначе, как за покровительство providения в моем предприятии? Но сие была казнь глупому моему любопытству, чтоб я подробным понятием, а не одним только воззрением познал состояние Земли, на коей по большей части обитают человеки...

Затем Квалбоко рассказывает историю земных народов, начиная с библейских времен. Особенное внимание он уделяет вопросу о языческих религиях и ссылается при этом на Плутарха, Цицерона, Диодора Сицилийского и других древних авторов, разбирает некоторые древние обряды, толкуя их преимущественно как аллегории. После исторической части следует рассказ и о собственно путешествии лунатиста.

"Я шествовал по большей части местами пустыни, в жарчайшем воздухе. Редко попадались мне деревни, а того меньше города. Страною сею обладают турки, народ бывший прежде кучею разбойников и завладевший впоследствии почти половиною Луны; страшный всему человеческому роду как по невежеству, так и по страшным основаниям веры, которыми дозволено убивать всех, кои не одинаки с ним мнений. Предписание сие исполняют они с точностию и убавили уже знатную часть чужеземных лунатиков. Удивительно, что терпят прочие столь опасных соседей и дозволяют им мало-помалу истреблять или покорять себя! Однако незадолго пред моим приходом некоторая великая жена поубавила их гордости: она оборонялась от них почти с невероятной храбростию, все бесчисленные их воинства (были) разбиты в прах и принуждены были молить о мире на всех условиях, какие только требованы. Счастию для них, что имели они дело, хотя с величайшею, премудрейшею и храбрейшею из смертных, но притом и с человеколюбивейшею; впрочем, не претерпел бы я от них того, о чем услышите. Я нашел в турках чудную смесь человеколюбия и бесчеловечия, странноприимства и немилосердия. Всюду на дорогах меня грабили, и как уже золото мое все кончилось, то били за то, что я ничего не имею. В деревнях же принимали ласково, омывали мои ноги, угощали и покоили. Я пришел в столичный их город Стамбул.

Там с ужасом говорили о прошедшей войне, толико их смилившей. Мне не удалось, впрочем, узнать получше о состоянии сего государства, ибо великое претерпел я здесь несчастье, и любопытство мое едва не отреклось от всех своих требований. Зашел я в молитвенный их храм, видел совершенное богоговение, провождаемое нелепым криком. Я остановился, простер руки мои и пел молитву по нашему обыкновению.

Сначала все приклонили уши внимать согласным звукам моего голоса, но вдруг духовный схватил себя за волосы и закричал, что мечеть осквернена пением неверного. Окружили меня, спрашивали, что я за человек и какого закона. "Какого закона? - сказал я, - ...никакого". - "Но ты простирали руки на небо, сие значит призывать бога", - говорили они во сто голосов. "Разве запрещено у вас призывать бога?" - "Нет. Но бога нельзя призывать, не призывая Магомета. Ну, неверный, исповедуешь ли ты его, говори решительно, или..." - "Государи мои, - подхватил я, - вы не можете от меня требовать, чтоб я знал его, я житель Луны вашей, и у нас не слыхано об нем никогда". - "Никогда, мерзавец? - вскричал духовный. - Сама Луна поклоняется великому пророку, я уличу твою ложь текстом из Алкорана... Но довольно, из Луны ли ты, или из ада, ты должен веровать в Магомета и быть обрезан!" Сказал сие и меня проводили в тюрьму.

Какие имел я рассуждения по случаю сему, рассказывать долго; мне казалось непонятно, каким образом могут люди взять в голову страшную идею заставлять

верить других, чему сами верить находят основание: равно как бы верить или не верить зависело от человеческой воли. Печальные мои умствования пресечены (были) появлением духовного, пришедшего с вооруженными (людьми) для совершения таинства, в веру их меня присоединить имеющего. Объясняясь, в чем состоит обряд сей, я оторопел. По счастью, на исподнем платье осталось у меня несколько золотых пуговиц. Я просил переговорить наедине с духовным... дозволено, и пуговицы спасли меня от мучительной операции. Возглашено, что я действительный магометанин, меня приветствовали, дарили безделками, возили на осле по улицам и наконец дали свободу бежать неоглядно из столь ужасного города.

Путешествие мое научило меня о опасностях с оным соединенных, но нечего было делать: машина моя расположена была только, чтоб подниматься кверху и опускаться вниз, а не вдоль летать, как птица. Однако ж, в предосторожности, определил я не называться пришельцем воздушным, а благоразумнее считал именовать себя Р**, ибо от одного слова сего рождалось почтение ко мне в храбрых турках, коих областью надлежало мне идти долго. Я направил стопы мои в страну, из коей жителя я представлял[...]

Наслышавшись, какие опустошения терпят земли, производящие войну, удивился я, не приметив следов оного. Мне не представлялось (ничего), кроме лугов, наполненных стадами, и нив, клонящихся под бременем своего изобилия. В одних местах земледельцы встречались мне поющие, удовольствие и изобилие сияло на их здоровых лицах, а в других, приобретенных вновь странах, видел я поселения. Свои и чужеземные стекались там, и поминутно пустыни превращались в сады, в коих Минерва и Церера наперерыв трудились. Воины отдыхали под сению мира, позирая алчно управляемое справедливостью свое оружие. По дорогам встречались мне караваны купцов, либо везущих избытки отечества, или возвращающихся во оное, обремененных корыстями; странники безопасно шли путем своим - разбойники и воры были сведомы тут только по имени, и прошед верст тысячи не видал (я) ни виселиц, ни колес, ни рожен, употребляемых повсюду правосудием.

"Неужели другой род людей обитает здесь?!" - вскричал я со удивлением к сопутствовавшему со мною заслуженному и оставившему оружие своё ратнику.

"Нет, - отвечал он, - что б меньше было злодеев, зависит от доброго правления. Где всякий приобретает хлеб трудами, и где пекутся, что б трудились и получали плату, там не может быть разбойников. Что ж здесь не знают о казнях, сие так же не чрез чудотворение происходит. К зависти человеческого рода имеем мы на престоле саму премудрость, которая усмотрела, что "лучше предупреждать преступления, нежели наказывать"... И что "намерение установленных наказаний есть не то, что б мучить тварь, чувствами одарённую, но что б воспрепятствовать виноватому, что б он впредь не мог вредить, и что б отвратить сограждан он делания подобных преступлений, а казни, будучи соразмерны преступлениям, запечатлели бы в сердцах людских начертание самое живое и долго пребывающее и, в то же время, были б меньше люты над телом преступника". Она познала, что в тех странах, где кроткие наказания, сердца граждан оными столько ж поражаются, как в других местах жестокими; и что "страны и времена, в которых самые лютейшие казни были во употреблении, суть те, в которых творились беззакония самые бесчеловечные". Она отрешилась от казней, и предусмотрение её исполнилось: понятие о стыде и бесчестии совершило больше, нежели топоры и верёвки. У нас почти не слышно о злодеяниях, ибо добрые распорядки не дают оным рождаться. Распорядки сии столь попечительны, что не утаилась от них ни

малейшая подробность, которая, однако, будучи малейшую подробностью целого, приносит к связи оногое великое. Всё здесь поправлено и восстанавливается: законы, образ управления, порядок сборов и расходов общественных и частных, состояние внутреннее и оборонительное, торговля и земледелие, население пустынь, размножение граждан и сбережение человеческого рода, науки, художества... Словом, нет предмета, который бы остался вне рачения".

Восхищённый сим повествованием, ибо проходя повсюду, в действии видел я справедливость слов моего товарища, спросил я у него:

"Как здесь содержат веру"?

"Самым естественным, соразмерным человеческим чувствам образом. Кто хорошо служит обществу, тот никогда не притесняется, каким бы образом он ни служил Богу".

"Энтузиазмом заражённые (ревнителю) принуждают сограждан к тому повелениями, но сие совершается всегда с крайнею гибелью государства. Я слышал, что в некотором королевстве в одну ночь, называемую Варфоломеевой, погибло от сего до половины подданных, растерзанных и изгнанных, и последние учинили цветущими другие области, в коих в сём пункте думали благоразумнее. Но ты кто, имеющий столь превосходные мысли, столь великое сведение об отличнейшем своём отечестве"? - спросил я.

"Простой гражданин только", - сказал он.

"Как?! Простой гражданин и имеешь таковые понятия"?

"Пусть не удивляет сие тебя, изумление твоё мне понятно. Ведь кто ты"? - спросил он.

"Я? Твой соотчич", - сказал я, раскрасневшись, ибо то в первый раз было, как я солгал.

"Мой земляк? - продолжал он, осмотрев меня всего и заглянув в глаза. - Кажется, ты вопрошал меня не тем расположением".

"Правда. Вернее, был им, но я жил очень долго в плену у турок, и потому об отечестве своём ничего не ведаю".

"В плену у турок?! Лжешь, брат, ты, мои земляки в плен не отдаются, они побеждают либо умирают. Да и по летам ты ещё молод... Но как бы то ни было, - продолжал он, - честные люди все земляки. Ступай проворней, уже близко мы от места, где я с тобою расстанусь".

Мы пришли в один немалый город. Оный стоял при реке и был построен весьма пространно, но я видел как оный развивался из своей громады: великолепные здания, мосты для соединения частей, разделённых глубоким рвом, ширина улиц, единообразие в строении -- появлялись ежедневно в два месяца, здесь мною препровождённые, и город ещё прибавился на четвертую часть своего пространства. Всё сие совершалось без отягощения строящихся, но повсеместно с выгодами им. Я не видел нигде строжайшего правосудия и не воображал, что б так мало может быть дел тяжёбных. Верный человек мне сказал, что причиною сего новое учреждение к производству дел. До сего учреждения было здесь ужасное число дел тяжёбных, но которых не осталось в 2 года, хотя для решения собирали оные в полвека. Ныне оные редки: ибо обидчики опасаются нападать, воспринимая немедленную месть от законов, а ябедники онемели, понеже истина дала им нечто, коего хлебнув, признались, что все уже уловления их недействительны. Я видел многие судилища, в кои по полугоду не входило ни одной просьбы. Благочиние наблюдаемо во всей стране сей совершенно, и я не видал нищих. Сказывали мне сего причину, что все увечные собираются в один особливый дом, где о них

пекутся как о чадах своих, а тунеядцы ставятся в такие условия, что должны трудом снискивать себе одежды и пищи, а в противном случае предоставляются самим себе и, без помощи оставленные, обрекаются голодной смерти. Словом сказать, я всё видел и не нашёл никого, кроме спокойных и обязанных.

Я удостоился счастья видеть великую монархиню сего государства, счастье, для которого единственно считаю я нещётным путь мой на Луну. Во всей её державе видны были знаки премудрого её правления, в законах её истина и человеколюбие, в городах просвещение и благоустройство, по сёлам покой и изобилие, и повсюду - милость, которою пользовались не одни её подданные, но и чужеземцы. Она учинила своих рабов цветущими и благополучными, оградила их оружием и миром, а чужим вселила подобострастие к своему имени: слава разнесла хвалу ему повсюду, и одно слово её решало судьбы народов, совершало мир между враждующими и решало то, что не могло бы совершиться без великого кровопролития. Она была истинным другом человечества, и для того порядок её царствования был образцом, с коего долженствует копировать себя земным владетелям. Они оставляли свои престолы и пренебрегали трудностями путешествия, что бы видеть её и учиться... Не можно выразить все те чувства, с каковыми взирал я на деяния сей великой из смертных, она представлялась нашей женою. В самом деле, весьма трудно довести миллионы подданных до верха благоденствия, в каковом нашёл я их и оставил".

(Не окончено).

1784 г.

Комментарии

Василий Алексеевич Левшин (1746-1826) -- известный русский писатель, переводчик, ученый.

Первая книга Левшина - "Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени" - вышла в 1773 году. Всего им написано около 90 сочинений - романы, сказки, драмы, комедии, басни, руководства по сельскому хозяйству, лечебники, книги по домоводству, охоте. Наибольшей популярностью пользовались такие его работы, как сборник "Русские сказки" с былинными героями Алешей Поповичем, Тугарином Змеевичем, Добрыней и перевод огромного немецкого труда "Хозяин и хозяйка" в двенадцати томах.

Основное художественное произведение Василия Левшина - "Утренники влюбленного" (1779), посвященное его будущей жене и затем матери его шестнадцати детей - Федосье Степановне Казяевой.

"Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве" (в селе Темрянь, неподалеку от этого города Белева, находилось имение В.А.Левшина) было впервые напечатано в "Собеседнике любителей русского слова" в 1784 году, чч. 13-16. По этому изданию публикуется отрывок из первой половины утопии ("Собеседник любителей русского слова", ч.13, с.138-166; ч.14, с.5-14) и небольшой фрагмент из ее заключительной части (ч.16, с.38-45; 49-53).

Произведение Василия Левшина продолжает древнюю литературную традицию "воздушных инопланетных путешествий", навеянных в основном мифологическими представлениями человека античного мира. Сюжеты этих мифов были трагическими, например, у греческого драматурга Еврипида, жившего в V веке до н.э. комическими, пародийными, как, например, у его знаменитого

современника - комедиографа Аристофана. Греческий сатирик Лукиан, живший во II в. до н.э., тоже отправил своих героев на Луну. Ближе к Левшину по времени написания "Человек на Луне, или рассказ о путешествии туда, совершенном Доменико Гонзалесом" (1638), автором которого был шотландский епископ Френсис Годвин, и "Иной свет, или Государства и империи Луны" (1657) Сирано де Бержерака.

Читателям Древней Руси были хорошо знакомы фольклорные и литературные произведения об Александре Македонском. В одной из легенд Александр поднимался на небо на могучих грифонах. Эта легенда послужила даже сюжетом для каменного рельефного изображения на стене южного фасада Дмитриевского собора во Владимире (XII в.).

Повесть публикуется по: Взгляд сквозь столетия. - М.: Молодая гвардия, 1977.

1. "Аппарат", придуманный Нарсимом, развивает "техническую" идею, предложенную еще легендарным Дедалом. Подобное устройство описывал и Лукиан.

2. На самом деле объем Луны составляет приблизительно $1/49$ земного, среднее расстояние до нее 384.395 километров. Соображения же Нарсима по поводу углового или видимого размера Луны в связи с определением части совершенного им пути неверны: при увеличении видимых размеров Луны в 21 раз путник должен был бы приблизиться к ней не на половину, а почти вплотную.

3. Далее следует изложение опыта, отражающего только взаимодействие легких предметов с поверхностью несмачивающей жидкости. Никакого отношения к взаимодействию масс предметов и количества вещества, находящегося между ними, он не имеет. Разумеется, неверна и аналогия, проводимая Нарсимом между поведением предметов в жидкости и гипотетическим поведением космических тел в эфире.

4. Речь идет об императрице Екатерине II и о русско-турецкой войне 1768-1774 гг.

5. Минерва (римск.) - богиня мудрости. Церера (римск.) - богиня жатвы.